

часто, ибо мы исключаем из рассмотрения случаи намеренного устранения фона. Тем он для нас и интересен.

Впрочем, как по поводу этого снимка, так и по поводу остальных, с большим интересом получу по e-mail трактовку читателей, и если их, этих трактовок, наберется много и интересных, мы с Игорем, думаю, с удовольствием сделаем и напечатаем отдельный материал по их сумме.

Китайский чайничек (фото 10) носиком на объектив. Носик, однако, очевидно не объект: в нем нет ничего интересного ни с какой точки зрения. Зато глаз притягивают даром что нерезкие иероглифы на главной поверхности. Иероглифы мы с вами, скорее всего, не понимаем, но сам факт их наличия — знак принадлежности и повод для самых разных, самых кучерявых дальневосточных ассоциаций (если хотите — дальневосточного контекста). Вообще говоря, мы могли бы подойти к этому снимку, как к снимку римских Форумов в предыдущей «Записке», и занести покрытую иероглифами поверхность в графу «Объект», оставив носику участь «Фона». Но, как мне кажется, это будет несколько искусственно: хотя бы потому, что и носик, и иероглифы принадлежат одному и тому же предмету.

Что же остается? Признать, что в этом снимке фона нет вообще?..

Фрагмент дороги после дождя (фото 11) в лесу на Карельском перешейке. В луже отражаются кроны деревьев. Ее берега представляют собою крохотные обломки ледниковых валунов. Ну и, конечно, отраженное в воде небо.

Обсуждая снимок с трубачом, мы краем задели и впрямь не особенно различимые и важные отражения прохожих. Здесь ситуация обострена до предела. Вода, как занимающая большую часть снимка субстанция, практически никак не проработана и только «логически» восстанавливается по своим кромкам и, главное, по отражению неба и деревьев. Можно ли в таком случае назвать ее объектом? Я сомневаюсь. Тогда что? Небо и деревья, размытые, в нерезкости? Это, скорее, все-таки не объект, а знак, почти как «чайничные» иероглифы. Камешки на берегу лужи? Они тоже, скорее, обозначают место действия, поскольку ни один из них ничем не замечателен. Ну а мы с вами, похоже, попадаем в ситуацию, когда снимок, имея несколько планов, фактически не имеет ни фона, ни объекта, а все эти планы собираются в некий образ, который должен возбудить в нашем мозгу представление о «после дождя» в пасмурном (вероятно, осеннем?) лесу. А для бывавших на карельском перешейке — еще и идентифицировать место съемки (контекст!).

И снимок вдруг превращается в кусочек голограммы, которую, сколько ни бей, — из каждого осколка можно будет восстановить всю картину. Правда, чем мельче осколок, тем грубее ее детализация.

И, наконец, последняя фотография (фото 12). Кучка опавших листьев в декабрьском Душанбе. Зима в Таджикистане — явление для нас, россиян, несколько относительное. Ноль — уже мороз и случается редко. Снег в Душанбе я видел раз в жизни, хоть бывал там довольно часто. И не все листья, опадая, успевают пожелтеть.

Проблема фона и объекта решается здесь исключительно через цвет (оставим в стороне небольшой кусочек размытой реальности хотя бы потому, что он почти буквально повторяет первый план: желтая куча и зеленый промельк). Ну, то есть, конечно, предметно, но предмет-объект отличается от предметного фона исключительно цветом.

Вот такой интересный поворот затронутого нами и по-прежнему не исчерпанного — поскольку неисчерпаемого — вопроса: объект и фон.



Фото 10



Фото 11

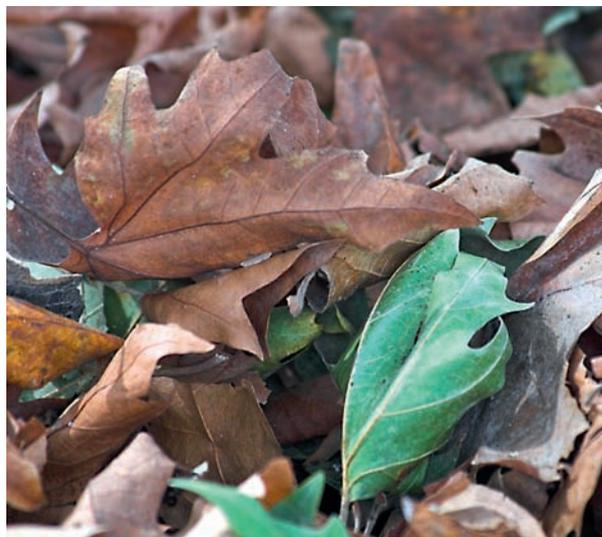


Фото 12